

Коллективное самоубийство крестьян Спасова согласия в эпоху Николая I: микроисторический анализ

Т. И. Хижая

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Горького, 87

Для цитирования: Хижая Т. И. Коллективное самоубийство крестьян Спасова согласия в эпоху Николая I: микроисторический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 3. С. 550–563.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.315>

Статья посвящена анализу и контекстуализации массового суицида, совершенного крестьянами-спасовцами села Копены Саратовской губернии в 1827 г. Источниками послужили неопубликованные архивные документы — судебно-следственные дела, а также исследования саратовского старообрядчества, проведенные чиновниками, этнографами и представителями духовенства. Для воссоздания максимально полной картины трагедии были привлечены материалы, в которых изображена предыстория копенского самоубийства. В статье предпринята попытка выявить мотивы коллективного самозаклания, некоторые религиозные практики, связанные с ним, расширить представления о течении Спасова согласия и о правительственном дискурсе в отношении религиозных диссидентов в начале эпохи Николая I. Причины суицида представляются многослойной конструкцией. В качестве субстрата выступали эсхатологические настроения, а также примыкающие к ним сотериологические представления старообрядцев, в соответствии с которыми смерть воспринималась как способ скорого искупления грехов. На них наслаивались тревожные опасения и травматические переживания, связанные с локальным социальным контекстом: ожидание приближающихся гонений на веру, а также страхи и негодование, вызванные преступлениями вотчинных властей. Источники демонстрируют разнообразие практик самоумерщвления, применявшихся спасовцами в начале XIX в., необычные нюансы этих практик, а также наличие в официальной риторике дискурса терпимости и снисхождения к сектантам — наряду с репрессивным. Расследование копенского дела имело масштабные последствия, послужив для местных властей стимулом и поводом для разработки проекта жестких мер в отношении всех старообрядцев, включая поповцев, которые были в конечном счете реализованы.

Ключевые слова: старообрядцы, беспоповцы, Спасово согласие, коллективное самоубийство, Саратовская губерния.

Введение

В 1827 г. в селе Копены Аткарского уезда Саратовской губернии, принадлежавшем графине М. Д. Гурьевой, произошло самоубийство 35 человек. Половина из них не достигла 18-летия; самой младшей из жертв была полутодовая девочка, а самому старшему исполнилось 69 лет. Погибшие принадлежали к одному из течений старообрядчества — Спасову согласию.

Это нашумевшее происшествие было хорошо известно дореволюционным авторам — историкам, чиновникам, публицистам [1; 2, с. 136–143; 3, с. 221–223; 4]. Однако они ограничивались более или менее подробным (иногда искаженным) изложением событий, лежащих в основе кровавой трагедии, и их религиозной или эмоциональной оценкой. Копенский инцидент упоминает современная исследовательница массовых старообрядческих самосожжений Е. В. Романова [5, с. 194, 241]. Недавно вышла в свет статья В. А. Карташова, полностью посвященная данному событию. Автор подробно рассмотрел аткарскую трагедию, используя в качестве главного источника дело, извлеченное из саратовского архива. При этом В. А. Карташов справедливо отметил, что его труд «отнюдь не исчерпывает все нюансы драматической истории копенских старообрядцев» [6].

Целью настоящей статьи является попытка обстоятельного микроисторического анализа и контекстуализация самоубийства 1827 г. на основе максимально широкого круга источников, в том числе не привлекавшихся прежними исследователями, и с учетом тех деталей и контекстов, на которые не было обращено достаточного внимания. Это позволит продвинуться в понимании не до конца проясненного случая массового самоубийства, расширить знания о крайне малоизученном течении Спасова согласия, о практиках старообрядческих самоубийств XIX в., а также о государственной политике в отношении сектантов в эпоху Николая I.

Источники

Источниками для исследования послужили неопубликованные документы из нескольких российских архивов:

1. Дело, найденное мной в Российском Государственном историческом архиве (далее — РГИА) в фонде Департамента общих дел МВД¹. Многостраничный документ представляет собой детальное отражение истории коллективного суицида.

2. Документ из фонда канцелярии обер-прокурора Синода РГИА, также повествующий о событии 1827 г.²

3. Очерк о копенских спасовцах, включенный в тетрадь саратовского епископа Иакова (Вечеркова), хранящуюся в Архиве Русского географического общества (далее — АРГО)³. Он принадлежит неизвестному автору, вероятно, священнику Саратовской епархии. Сведения из рукописи фигурируют в некоторых исследованиях, но часто без непосредственного обращения к первоисточнику, иногда в ошибочном пересказе.

4. Документ РГИА, отражающий некоторые детали судьбы крестьянина Алексея Юшкина, вдохновителя попытки самоубийства копенских жителей в 1802 г.⁴

5. Дело из РГИА, посвященное событию 1802 г. и наказанию одного из его участников⁵.

6. Отчет статского советника графа Стенбока, находящийся в отделе ру-

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67.

² Там же. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12707.

³ АРГО. Р. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 186–192.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 17.

⁵ Там же. Ф. 796. Оп. 83. Д. 721.

копий Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ)⁶. Чиновник МВД Ю. И. Стенбок был организатором экспедиции в Саратовскую губернию при Николае I.

7. Записка о расколе в Саратовской губернии из ОР РНБ⁷ известного этнографа и статиста А. И. Артемьева, преемника Ю. И. Стенбока по экспедиции.

Источники включают в себя не только материалы происшествия 1827 г., но и другие документы, связанные с ним ретроспективно и локально. Это судебно-следственная документация, переписка чиновников, записки этнографического характера и нарратив, исходящий из кругов саратовского духовенства.

Самоубийство

Леденящая кровь история произошла в марте 1827 г. В ночь на 1 марта⁸ жительница Копен крестьянка Варвара Федорова сообщила своему родственнику о том, что ее семейство ушло из дому «неизвестно куда». Последний доложил об этом сотскому. Тот, начав первичное следствие, обнаружил мертвые тела в разных местах села — возможно, по указанию Федоровой, на самом деле знавшей, что произошло с ее родными. Наибольшее число погибших было найдено в овиновой яме самого старого участника самоубийства, Петра Карпова, остальные — в нескольких крестьянских домах. У трупов были перерезаны горла или перерублены шеи, у некоторых задеты уши, щеки и плечи. У нескольких человек оказались отрубленными пальцы на руках и даже ноги. На местах преступления обнаружены плахи с зарубками, залитый кровью топор «и в ковше запекшаяся кровь». В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что убийство готовилось заранее, а его вдохновителями стали наставники секты Моисей Солдатов и Андрей Петров, сын Петра Карпова. Главным техническим организатором выступил брат Андрея Александр, накануне заявивший крестьянину Ивану Юшкину о том, что «пора совершить задуманное». Александр Карпов и Игнатий Летюшов собственноручно умертвили решившихся на добровольную смерть односельчан. Вместе со взрослыми были зарезаны и дети, согласия которых, очевидно, никто не спрашивал. Однако жена третьего из братьев Карповых, Варвара, отказалась лишиться себя жизни. Она не разделяла взглядов своего семейства. Александр Карпов, разбудив невестку и склоняя ее к самоубийству, пошел с ней к овиновой яме, где к тому времени накопилась груда человеческих тел и горел огонь. Женщина, обезумев от горя, стала рыдать и искать в этой горе трупы собственных детей. На ее глазах произошел последний акт трагедии. Александр, выпив из полуштофа некоего напитка, лег лицом вниз на чурбан и попросил Ивана Юшкина: «Прекрати меня». Последний ударил топором по шее Карпова, но задел при этом собственную левую руку, раздробив ее до кости. Только второй удар оказался для Карпова смертельным. После этого Юшкин, не решившись на самоубийство, скрылся

⁶ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 39. Л. 192–399.

⁷ Там же. Д. 273.

⁸ В отличие от В. А. Карташова, относящего самоубийство ко 2 марта, я настаиваю именно на этой дате, так как в следственном деле говорится о его совершении «в ночь на 1 марта» и о том, что все непосредственные подготовительные действия начали производиться 28 февраля.

в лесу. Однако после скитаний, страдая от голода и боли в поврежденной руке, вернулся в село. Тут он и был схвачен караульными⁹.

Из многочисленных допросов стало ясно, что убитые «содержали Спасову секту». Кроме погибших, в Копенах проживало еще 40 спасовцев, большинство из которых в ходе следствия обратились в православие¹⁰.

Спасово согласие

Спасово согласие, или нетовщина, — это многочисленное радикальное течение внутри беспоповщины, происхождение которого довольно загадочно в силу скудости источников. Некоторые исследователи говорят о возможности возведения его истоков к учению «мужика Козьмы», появившегося на Керженце в XVIII в. [7, р. 102–103]. Другие полагают, что спасовщина исторически восходит к последователям старца Капитона, яркой аскетической фигуры раннего старообрядчества [8, с. 155]. По мнению А. И. Мальцева, в отношении начальной истории течения можно достоверно говорить лишь о существовании нескольких общин в конце XVII — начале XVIII вв. [9, с. 409–410].

Доктрина и практики спасовского толка представляются иногда не вполне релевантно: существует тенденция к их универсализации. С уверенностью можно сказать, что спасовцы разделяли эсхатологические воззрения беспоповцев о господстве в мире Антихриста, которого воспринимали и как духовное начало, и как конкретное лицо; отрицали священство и церковные таинства [9, с. 409]. При этом нетовцы могли принимать крещение и венчание в православных церквях, но иногда крестили себя сами либо крещение совершали родители/повивальная бабка. Маркером движения по сравнению с другими беспоповскими толками был отказ от перекрещивания никониан, присоединявшихся к их согласию [9, с. 409–410]. По мнению С. Зеньковского, участие в церковных таинствах было просто способом легализации [8, с. 475]. Д. Бушнелл замечает, что обращение к священнику оправдывалось спасовцами теологически: оно не могло ухудшить их участи, которой и так угрожала вечная гибель [10, с. 122].

С точки зрения нетовцев, единственным средством к спасению было упование на милость Христа (Спаса). Их сотериология предполагала покаяние без участия священников и непосредственную молитву ко Христу, понимаемую как духовное крещение [9, с. 415–417].

Некоторую информацию о спасовцах Саратовской губернии можно найти в записках Ю. И. Стенбока и А. И. Артемьева. Стенбок отмечал, что Спасово согласие было наиболее многочисленным толком среди саратовских староверов и сосредотачивалось в приволжских селениях и окружающих Саратов буераках (оврагах). Он обращал внимание на проблематичность определения границ этого течения, полагая, что к нему причисляют всех раскольников, чье внешнее поведение близко к практикам спасовцев¹¹. А. И. Артемьев проводил некоторую грань между «спасовщиной» и «нетовщиной», считая последнюю высшим выражением спасовского толка, атрибутируя ей оправдание самоубийства и предписание укрываться в вер-

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 32–35 об.

¹⁰ Там же. Л. 20, 77.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 39. Л. 222, 225.

тепах и дебрях для спасения от власти Антихриста. По всей видимости, он понимал радикальные группы внутри согласия, в одной из которых и произошло событие 1827 г.¹²

Воззрения и практики спасовцев отражены в следственной документации. Ответы допрашиваемых повторяют устойчивую формулу: «...ныне благодати Божьей, церкви, священства на земле не стало, а есть все оное по кончине их жизни на небесах, и что Спас мира знает сам, как их спасти». Некоторые подследственные прямо заявляли о негативном отношении к причастию¹³. Обратившемуся в православие односельчанину один из наставников с криком, что «там нечего делать» не позволял войти в храм¹⁴.

В рапорте секретаря местной консистории отмечалось: «Догматы сей секты... состоят: 1-е не почитать священства. 2-е молиться Богу на домах, а не в церкви, 3-е не есть никогда мяса; таинство же крещения и бракосочетания приемлют они по правилам Греко-русской церкви»¹⁵. Саратовскому епископу Иринею (Нестеровичу) было известно из рапортов местного духовенства, что нетовцы уклонялись от исповеди и причастия, принимая только крещение и бракосочетание, но иногда *при конце жизни* (здесь и далее курсив мой. — Т.Х.) все же исповедовались и причащались. Из личных бесед со «старцами» спасовщины епископ узнал, что покаяние перед священником и принятие причастия — это лицемерие, так как обещать исправиться невозможно, но «*при конце жизни* могут они, ежели удастся, исповедаться и причаститься; впрочем, и без того спасутся»¹⁶.

Упоминания о предсмертной исповеди и причастии у православного духовенства заслуживают внимания. Любопытно и указание на отказ от мясной пищи, к сожалению, единичное. Но о случаях воздержания от мяса среди нетовцев Симбирской губернии писал П. С. Смирнов [11, с. 8].

В материалах следствия отмечается, что сектанты совершали моления иконам. Саратовские спасовки на допросах признавались, что они «молятся иконам старого письма, новых же не приемлют». Они также утверждали, что молятся за императора и всю царскую фамилию без упоминания конкретных имен, что говорит об отсутствии радикального неприятия власти в данной общине¹⁷.

Мотивы самоубийства

Е. В. Романова полагает, что в XIX в. практически все массовые суициды старообрядцев совершаются без очевидных конфликтов с властью, а на первый план выходят эсхатологические мотивы [5, с. 194]. Она считает, что трагедия 1827 г. была лишь продолжением истории 1802 г., в которой главным вдохновителем выступил Алексей Юшкин — отец Ивана Юшкина. Следственные дела повествуют об этом инциденте довольно кратко и разнятся в определении количества участников: 54 или 82. Это была неудачная попытка копенских спасовцев уморить себя

¹² ОР РНБ. Ф. 37. Д. 273. Л. 33–33 об.

¹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 44.

¹⁴ Там же. Л. 77.

¹⁵ Там же. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12707. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁷ Там же. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 20, 44.

голодом в пещере, после чего крестьяне «раскаялись» и потому не были преданы суду. Осуждены были лишь Алексей Юшкин и Егор Афанасьев, убивший в пещере собственного сына. Первый был сослан на остров Эзель в Лифляндской губернии, а второй отправлен в один из монастырей¹⁸.

Детальное и красочное описание этого происшествия, демонстрирующее эсхатологический дискурс в настроениях его участников, содержится в тетради Иакова (Вечеркова). Согласно записке анонимного автора, опиравшегося на официальные документы, некий крестьянин Яков Ефимов, в процессе религиозных исканий переходивший из одного старообрядческого течения в другое, «завел в Копенах секту Спасова согласия». У Якова был лесной пчельник, где он проводил время в молитвах, чтении книг и проповеди односельчанам. Последние построили в лесу «кельи» и часто приходили слушать наставника. Там поселился и некто Фалалей, названный в рукописи беглым человеком. Он увлек своими идеями сына Якова, Алексея Юшкина. Вместе они начали «внушать своим слушателям... бесовское о вольном самоубийстве учение, говоря, что в нынешнее Антихристово время человек не может иначе спасти душу свою, как разве умертвить себя за истинного Христа». В уединенном месте Фалалей и Алексей стали готовить пещеру для самопогребения. Воспользовавшись отлучкой Якова, который был резко настроен против самоубийства, его сын с последователями отправился в пещеру. Там заранее была приготовлена солома и сухой мусор, чтобы «в случае розыска... и в случае погони Антихриста» не даваться живыми в руки преследователей. На такой экстренный случай предполагалось зажечь мусор и задохнуться от дыма. Выполнению замысла помешала одна из участниц. Испугавшись, она попросила выпустить ее на время из пещеры, чтобы напоить младенца водой из реки. Ее отпустили. Женщине удалось сообщить о намерении спасовцев, и жители Копен немедленно отправились к месту самопогребения. Алексей Юшкин первым заметил приближающихся крестьян и закричал: «Антихрист идет, спасайтесь скорее, не давайте живые в руки». После этого он бросился опрометью к реке и «начал, как пес, лакать воду, дабы захлебнуться», но был схвачен. Тем временем в пещере зажгли мусор, и поскольку все попытки копенских поселян уговорить фанатиков выйти были напрасными, спасатели стали заливать воду через отверстия в пещере и вытаскивать «самосожигателей». В этот момент Егор Афанасьев убил своего сына о стену пещеры с криком: «За Христа убиваю!» Он также ударил о камень младенца-девочку. Автор записки характеризует неудавшихся самоубийц как «обуморенных или беснующихся», отмечая, что они начали рубить себе пальцы, но вскоре были обезоружены¹⁹.

Сосланному Алексею Юшкину удалось через ходатайство министра внутренних дел В. П. Кочубея подать просьбу о прощении Александру I, когда тот посетил остров Эзель²⁰. Я обнаружила документ, датированный ноябрем 1819 г., в котором император объявлял всемилостивейшее прощение лидеру спасовцев и повелел снабдить его паспортом и деньгами на путь в родные места. Министерство финансов выдало Юшкину 33 руб. 55 коп. Местным властям Александр I предписал

¹⁸ Там же. Л. 39 об; Ф. 796. Оп. 83. Д. 721. Л. 1–11.

¹⁹ АРГО. Р. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 186–188 об.

²⁰ Там же. Л. 190–190 об.

сделать прощенному преступнику внушение, чтобы он «примерным христианским житием и чистосердечным раскаяньем загладил вину свою»²¹.

Однако надежды монарха на покаяние Юшкина не оправдались. Он возвратился в Саратовскую губернию вместе с некоей почтальоншей²², спасовкой Дарьей Кононовой, от которой успел прижить двоих детей. По словам Дарьи, одного из них он задушил по дороге, а другого бросил в колодец²³. Через некоторое время Алексей исполнил давнюю мечту: вместе с сожительницей замуровал себя в землянке, вырытой на Мореной горе недалеко от Копен. Возможно, что в осуществлении этого плана ему помог Исай Алексеев — спасовский наставник, участник попытки самоубийства 1802 г., или же крестьянин Иван Петров, исчезнувший потом таинственным образом, о котором ходили слухи, что он «запостился». Об этом инциденте следователи узнали из допросов, что подтвердилось и обследованием места предполагаемой смерти: там были обнаружены мужской и женский скелеты без следов каких-либо повреждений²⁴. Еще ранее копенские сектанты обнаружили тела по дурному запаху и зарыли их на том же месте. С этого времени среди спасовцев началось почитание Алексея Юшкина²⁵.

Акт самопогребения можно рассматривать как связующее звено между завязкой 1802 г. и кровавой развязкой 1827 г. Между ними помещается еще одно фактическое самоубийство. Исай Алексеев «принял на себя блажь» — брал в руки раскаленные угли, зимой ходил босой в одной сорочке и утверждал, что «слышит на небе звон». Своим примером Исай вдохновил крестьянку Анну Иванову, которая в стремлении подражать ему замерзла; ее наставник был судим за соращение на самоубийство и отправлен в сибирскую ссылку²⁶.

Было ли происшедшее в 1827 г. только воплощением давней мечты сектантов?

С одной стороны, связь между двумя событиями очевидна. Алексей Юшкин почитался святым среди спасовцев, утверждавших, что бесноватые женщины успокаиваются при произнесении его имени. Иван Юшкин был «научен» от своего отца и знал о его добровольной смерти. Организаторы самоубийства, по словам обвиняемых, были наставлены от участников прежнего покушения — Егора Афанасьева и Исайя Алексеева, уверенного, что нет другого средства к спасению, кроме как последовать Юшкину.

Но была ли эта причина единственной? Ведь среди жертв трагедии было крайне мало тех, кто в силу возраста мог лично помнить о первой попытке самоубийства.

Как сами сектанты объясняли необходимость самовольной смерти? Они ссылались на слова Евангелия: «...аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю». В следственном деле приводятся рассуждения спасовцев о том, что предание себя смерти — богоугодное дело, что «в мире спастись нельзя», что смерть — «ближайшее средство к спасению»

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 17. Л. 6–12.

²² Почтальонша — это жена почтальона, а не женщина, служившая в почтовом ведомстве, как полагает В. А. Карташов. Соблазненной женой почтальона ее называет и рукопись Иакова (Вечеркова).

²³ АРГО. Р. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 190 об.

²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 49 об. — 52, 66 об., 97 об. — 98.

²⁵ Там же. Л. 39 об. — 40.

²⁶ Там же. Л. 36; АРГО. Р. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 189 об. — 190.

и т.п.²⁷ Это узнаваемый старообрядческий дискурс, сущность которого емко выразила М. Б. Плюханова: «...единственно правильным образом жизни оказывается смерть» [12, с. 57]. Этот сотериологический мотив дополнялся призывом к отшельничеству. Так, спасовка Авдотья Шадрина упоминала книги, содержащие «учения, что надобно для спасения души удалиться от мира, молиться и умирать от поста»²⁸. Это созвучно замечаниям А. И. Артемьева о саратовских нетовцах, советовавших укрываться в вертепах и дебрях, а также практикам удаления в кельи, построенные в лесах и буераках.

Но в этих представлениях обнаруживается важный нюанс, на который обратила внимание еще Е. В. Романова [5, с. 241]. Беседовавшие с епископом Иринеем сектанты обосновывали лицемерность исповеди и причастия невозможностью не грешить. Из этого положения, по словам епископа, «проистекали два гибельных правила». Во-первых, «телесное похотение, т. е. блуд и всякая греховная плотская нечистота не грех. Справедливость сего подтверждается происшествием, обнаруженным по следствию о Копенском самоубийстве...». Ириней имел в виду любовную связь Юшкина. Во-вторых, «должно грешить, дабы иметь, о чем поплакать, дабы запоститься или принести себя в жертву Богу самоубийством». Далее Ириней ссыался на «спасовские цветники», где речь шла о безгрешном девственнике, который позавидовал покаявшемуся и прощенному Богом «многогрешнику». Отсюда следовал парадоксальный вывод спасовцев: «Стало быть, не согреша, не умолишь»²⁹.

Такая пессимистическая и одновременно оправдывающая хамартиология вела к признанию смерти как к единственного способа изгладить грехи, перед которыми бессильны все другие средства. Поэтому связь Юшкина с замужней женщиной при живой жене — это простительная слабость, искупаемая смертоносным постом. Благодаря такой смерти грешник становился праведником в глазах сектантов. Похожей логикой объясняются и эксцессы, связанные с детьми: преступления Егора Афанасьева, убивавшего «за Христа», жестокость Юшкина по отношению к собственным младенцам и отсутствие протестов со стороны их матери. Практически половину жертв копенской трагедии составляли «малолетные». Очевидно, это забота о том, чтобы дети умерли, не успев согрешить.

Безусловно, в копенской катастрофе присутствовали и чаяния конца света. Допрашиваемые ссылались на «книгу Ефрема Сирина», чьи поучения о Страшном Суде имели широкое распространение в старообрядческой среде. В списке рукописей, отобранных у спасовцев, выделяются византийские сочинения с выраженной эсхатологической тематикой: «Диоптра», «Сказание Андрея Цареградского», «Книга рукописная о втором пришествии» и «Видение Григория»³⁰. Последнее произведение, неоднократно упоминаемое в источниках, было чрезвычайно популярно в старообрядческой культуре из-за красочной и подробной эсхатологии. Упомянутый Фалалей также читал этот текст³¹.

²⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 34.

²⁸ Там же. Л. 103.

²⁹ Там же. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12707. Л. 8–9.

³⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 145.

³¹ АРГО. Р. 36. Оп. 1. Д. 42. Л. 187.

Обратим внимание и на неслучайность выбора времени совершения самоубийства: 1 марта приходилось в 1827 г. на Крестопоклонную неделю Великого Поста. Но март — это еще и особенный месяц в русских средневековых представлениях. В марте произошли важнейшие события священной истории — сотворение мира, иудейская Пасха, пришествие евреев в Землю обетованную, Благовещение и воскресение Христа. В этом «начале всех месяцев и всякого времени» в древней Руси праздновалось новолетие [13, л. 1]. В марте, по словам Епифания Премудрого, ожидалось второе пришествие Христа [14, стб. 1013]. Одна из первых старообрядческих гарей произошла в марте 1666 г. [5, с. 77]. На 1 марта выпадает память преподобномученицы Евдокии — блудницы, услышавшей от подвижника о Страшном Суде, покаявшейся и обезглавленной языческими властями за исповедание христианства. Можно усмотреть переключку нюансов копенской истории с сюжетом жития св. Евдокии. Выбор даты мог иметь множество обоснований, в том числе эсхатологическое.

Но апокалиптические мотивы были своеобразной подложкой, на которой образовался новый слой — предчувствие надвигающихся гонений на веру. Появление в 1826 г. в Саратовской губернии двух персон, резко настроенных против раскола — губернатора А. Б. Голицына и епископа Ириней, усилившееся внимание императора Николая I к старообрядческому вопросу, запрет строительства новых молелен — все эти события были знаками грядущих перемен. Одной из первых мер А. Б. Голицына стало запрещение старообрядцам города Вольска посещать храм, строительство которого было разрешено правительством. Новый архиерей также был непримиримым врагом отступничества [8, с. 450–451]. Из источников видно, что он разворачивает энергичную деятельность: в короткое время объезжает епархию, проводит беседы с наставниками нетовщины, требует от священников увещевать уклоняющихся от исповеди и причастия и немедленно доносить о них, отправляет в Синод рапорт о саратовских сектах³². Документы отражают полное единство в действиях епископа и губернатора, и в них прослеживаются отголоски тревожных настроений, распространявшихся среди сектантов.

Так, в августе 1826 г. в скит в Формосовом буераке приезжали копенцы и спрашивали у его насельников, записываться ли им в раскольники «Спасовой секты». Для размышления над этим вопросом «старики» собрались в моленной и вынесли вердикт: «Лучше не записываться, но если уже огласит себя, то терпеть все *могущие последовать* гонения и мучительства». Возможно, приезд крестьян и ответ старцев были вызваны известиями об активной деятельности епископа. Опасения ощущаются и в словах одного из наставников, Ивана Безделева: «...если старообрядцу убийство (т. е. самоубийство. — Т. Х.) последует *от какой властной особы, принуждающей* оставить старообрядческую секту, ей, грехом не признается»³³.

Следует учесть и еще один контекст, отмеченный в работе В. А. Карташова [6]. Расследование самоубийства обнажило мрачную картину жестоких преступлений, совершенных сельскими властями в имении графини Гурьевой. Это порки крестьян, кончавшиеся смертью, и убийства с прямым умыслом, прикрываемые земским судом и главноуправляющим. Участие в них принимали разные должностные лица: староста, бурмистр, конторщик, сотский, десятские, полесовщик и др. Священник, отказав-

³² РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12707. Л. 7–9 об.

³³ Там же. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 42–43 об.

шийся хоронить насмерть запоротого крестьянина до проведения судебного расследования, был лишен прихода управляющим. Попытка жителей села предать огласке происходящее была расценена как мятеж. «Бунтовщики», т. е. избранные крестьянами взамен утратившего всякое доверие сельского низшего начальства, заплатились ссылкой в Сибирь. Туда же были отправлены с глаз долой участники и свидетели «злоупотреблений», что очень помешало следствию. Многие крестьяне, знавшие правду о «смертоубийствах», были «запуганы телесным наказанием и ссылкой». Неслучайно производившие следствие чиновники называли Копены гнездом злодеяний. А. Б. Голицын пытался разобраться в происходившем, но дело было замято. В него даже вмешался министр иностранных дел К. В. Нессельроде, выразивший губернатору недовольство действиями следователей. Нессельроде находился в свойстве с владелицей Копен, видимо, не заинтересованной в том, чтобы ситуация в имении была предана огласке. Поэтому судебный процесс сконцентрировался лишь на вопросе утайки представителями вотчинной власти самоубийства Юшкина и почтальонши³⁴.

Очевидно, такие вопиющие обстоятельства оказали психологическое влияние на нетовцев, усилив их эсхатологические переживания и готовность к суициду.

Выводы

Настроения, заставившие саратовских спасовцев выбрать смертельный исход, представляются в виде слоистой конструкции. Субстрат — это эсхатологические чаяния и примыкающие к ним сотериологические представления. Выше располагаются тревожные опасения и травматические переживания, связанные с локальным социальным контекстом: ожидание приближающихся гонений на веру, а также страхи и негодование, вызванные преступлениями вотчинных властей. Видеть в случившемся лишь продолжение предшествующих попыток самоубийства было бы поспешно.

В материалах дела присутствует некоторая информация о религиозных практиках, связанных с самоубийством. О выборе даты было уже сказано. Как мы помним, Александр Карпов выпил некую жидкость перед тем, как склонить голову под топор. Впоследствии выяснилось, что напиток приготовлен спасовскими наставниками из чемерицы. Это ядовитая и очень горькая трава, действующая опьяняющим образом; в народной культуре ей придавали магическое значение. Из допросов обнаружилось, что все сектанты принимали этот напиток и, ложась на плаху, говорили: «Братец, прекрати меня, Христа ради»³⁵. Может быть, вкушение горечи было подражанием Христу, отведавшего во время крестных страданий уксус, смешанный с горькой смирной?

Перед смертью Александр Карпов просил сжечь овин, *чтобы прикрыть тела*. Здесь явно присутствует дискурс огненного очищения, характерный для старообрядческой культуры. Возможно, что Карпов боялся также осквернения тел врагами веры. Не вполне понятно происхождение отрубленных ног и пальцев на руках. Можно ли объяснить это неуверенной рукой убийцы, попыткой бегства испугавшихся или же, как считает В. А. Карташов, импульсивными действиями? Некая параллель напрашивается с поведением участников неудавшегося самосожжения,

³⁴ Там же. Л. 62–76 об.

³⁵ Там же. Л. 20 об.

пытавшихся рубить себе пальцы в момент вытаскивания их из пещеры. Не исключено, что в 1802 г. так выражалось стремление крестьян пострадать, когда они поняли, что самоубийство не удалось. А в 1827 г. спасовцы, возможно, пытались таким образом усугубить страдания.

На разнообразие практик самоумерщвления указывают самопогребение, самозаклание, попытки самосожжения и самоутопления (последняя довольно необычна) и слова сектантов: «...для спасения должно самопроизвольно умертвить себя, закопав себя в землянку или другим каким самоубийством»; «может человек поститься и запащиваться... или разною смертью умирать...»³⁶

Роль учителей и организованность общины спасовцев были довольно высокими. Наставники секты жили в кельях Формосова буерака — своеобразном центре спасовщины, куда приезжали крестьяне для получения советов и разъяснений; там же происходили собрания старцев, называемые соборами. Собственником земли в буераке был саратовский мещанин Яков Крылов (Ладонкин). Он занимался благотворительностью: в построенных им кельях содержал нескольких престарелых и беспомощных единоверцев, «упражняющихся в богомолии». Через Крылова осуществлялась связь с женой и родственниками сосланного Алексея Юшкина³⁷.

Спасовское сообщество не было единым во взглядах на суицид. Некоторые сектантские авторитеты, включая отца Алексея Юшкина, его отвергали. Безделев и Крылов удерживали от самоубийства Исаю Алексеева. Иван Юшкин подговаривал к добровольной смерти начетчика Алексея Золотова, но последний указывал на недопустимость такого шага³⁸. Однако в итоге многие избрали трагический вариант.

Копенское дело расследовалось более двух лет. Самому суровому наказанию был подвергнут Иван Юшкин: его приговорили к 10 ударам плетью и каторжным работам. В целом приговор высших властей оказался несколько более мягким, чем решение местных судебных органов. Обращу внимание на дискурс терпимости и снисхождения к сектантам в материалах следствия. Уже в начале расследования саратовский губернатор говорит о ведении дела «с приличною предмету сему кротостию и предусмотрительностию в отвращении и самомалейшего стеснения»³⁹. Впоследствии, высказывая министру внутренних дел пожелание облегчить участь Якова Крылова, Голицын делает акцент на его раскаянии, стремится всячески оправдать и надеется на снисхождение, которое «может иметь благотворительное влияние на раскольников». Губернатор пытается несколько смягчить квалификацию убийства, совершенного Иваном Юшкиным, как умышленного, поскольку его мотивами были не злоба, корыстолюбие и «другие порочные страсти», а только «фанатизм». Он утверждает, что поведение матери Юшкина, которая не донесла о приходе к ней сына после самоубийства, имеет некоторое извинение по причине «родительской горячности». Голицын выступает против телесного наказания Безделева и отправки его в отдаленный монастырь, так как тот не сможет вынести тяжелого пути из-за преклонного возраста⁴⁰. Таким образом, либеральный дискурс в отношении сектантов, столь характерный для эпохи предшествующего импера-

³⁶ РГИА. Л. 43 об. — 44 об.

³⁷ Там же. Л. 99 — 99 об.

³⁸ Там же. Л. 102 об.

³⁹ Там же. Л. 13 об. — 15

⁴⁰ Там же. Л. 79 об. — 80 об., 105 об. — 106, 110, 108 об.

тора и хорошо прослеживаемый в отношении к ссыльному Юшкину, продолжает использоваться, несмотря на наступление нового, более жесткого периода в конфессиональной политике империи.

При всем том коллективное самоубийство послужило для А. Б. Голицына важным поводом и стимулом для создания проекта жесткой профилактики подобных трагедий — «правил о прекращении производимых раскольниками беспорядков»⁴¹. Этот проект предполагал принятие суровых мер против всех старообрядцев, включая поповцев. И Голицын, и Ириней в процессе расследования в один голос утверждали, что корень ересей — поповщина, распространяемая повсюду иргизскими монастырями⁴². Это подразумевало уничтожение знаменитого старообрядческого центра на Иргизе и наступление эпохи масштабных и длительных преследований — очередных «последних времен» для защитников старой веры. Таким образом, самоубийство в Саратовской губернии оказалось весьма символичным.

Литература

1. Соколов, П. С. (1896), Копенские происшествия 1802 и 1827 гг., *Христианское чтение*, № 9–10, с. 362–379.
2. Пругавин, А. С. (1885), Самоистребление. Проявление аскетизма и фанатизма в расколе, *Русская мысль*, кн. 1, с. 77–155.
3. Варадинов, Н. В. (1863), *История министерства внутренних дел*, т. 8, СПб.: Тип. М-ва внутр. дел.
4. Добротворский, И. М. (1861), О самосожигательстве раскольников, *Православный собеседник*, ч. 1, с. 423–445.
5. Романова, Е. В. (2012), *Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках*, СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.
6. Карташов, В. А. (2023), Религиозные девиации старообрядцев-спасовцев с. Копены Саратовской губернии: историко-социальный контекст (на материалах следственных процессов первой трети XIX в.), *Studia Humanitatis*, № 3. URL: <https://st-hum.ru/en/node/1246> (дата обращения: 06.11.2023).
7. Агеева Е. А., Робсон, Р. Р. и Смилянская, Е. Б. (1997), Старообрядцы спасовцы: пути народного богословия и формы самосохранения традиционных обществ в России XX столетия, *Revue des Études Slaves*, t. 69, f. 1–2, pp. 101–117.
8. Зеньковский, С. А. (2006), *Русское старообрядчество*, в 2 т., сост. Прохоров, Г. М., М.: Институт ДИ-ДИК.
9. Мальцев, А. И. (2006), *Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.*, Новосибирск: Сова.
10. Бушнелл, Д. (2020), *Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок. Спасовки в XVIII–XIX веках*, пер. Пуцелло-Бушелл, Л.; М.: Новое литературное обозрение.
11. Смирнов, П. С. (1903), *В бегстве от антихриста. Общая характеристика современной беспоповщины*, СПб.: Тип. М. Меркушева.
12. Плюханова, М. Б. (1985), О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII–XVIII вв., *Ученые записки Тартуского университета*, т. 645, с. 54–70.
13. Димитрий Ростовский (1764), *Книги житий святых: Март — май*, Киев: Тип. Киево-Печерской лавры.
14. *Великие Минеи Четьи. Апрель. Дни 22–30* (1915). М.: Синод. тип.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2024 г.;
рекомендована к печати 2 июля 2024 г.

Контактная информация:

Хижая Татьяна Игоревна — канд. филос. наук, доц.;
<https://orcid.org/0000-0003-1846-5060>, bobcat64@mail.ru

⁴¹ Там же. Л. 23 об., 95.

⁴² Там же. Л. 10; Ф. 1284. Оп. 195. Д. 67. Л. 29.

The Collective Suicide of Peasants of the Spasovite Covenant in the Era of Nicholas I: Micro-historical Analysis

T. I. Khizhaya

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87, ul. Gor'kogo, Vladimir, 600000, Russian Federation

For citation: Khizhaya T. I. The Collective Suicide of Peasants of the Spasovite Covenant in the Era of Nicholas I: Micro-historical Analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 3, pp. 550–563. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.315> (In Russian)

The article analyses and contextualizes a case of mass suicide of the Spasovites in the village of Kopeny, Saratov Province in 1827. The work is based on unpublished archival documents: records of court cases, officials' ethnographical and clerical researches. To get a complete picture of the tragedy, the author draws on materials presenting a background of the event. The paper attempts to clarify the motives behind the suicide, religious practices related to it, and seeks to expand our knowledge of the Spasovite movement and of the government discourse regarding religious dissidents in the early reign of Nicholas I. The causes of the suicide are identified as multi-faceted. Underlying eschatological views and soteriological ideas according to which death was thought of as a way to expiate sins were influential. This was layered with anxiety and traumatic experiences connected with the local social context: the expectation of future persecution against the Spasovites' beliefs, as well as fear and indignation caused by the crimes of the village authorities. The sources present diverse suicide practices used by Spasovites in the early 19th century, unusual details of these practices, and discourse of tolerance and leniency towards sectarians in the official rhetoric. The investigation into the suicide had wide-ranging consequences, acting as a motivation for the local authorities to develop and implement severe measures against all Old Believers, including Popovtsy.

Keywords: Old Believers, Priestless Old Believers, Spasovite Covenant, collective suicide, Saratov province.

References

1. Sokolov, P. S. (1896), Incidents in Kopeny in 1802 and 1827, *Khristianskoe chtenie*, no. 9–10, pp. 362–379. (In Russian)
2. Prugavin, A. S. (1885), Self-destruction. Manifestation of asceticism and fanaticism in Schism, *Russkaia mysl'*, vol. 1, pp. 77–155. (In Russian)
3. Varadinov, N. V. (1863), *History of the Ministry of the Interior*, vol. 8, St. Petersburg: Tipografiia ministerstva vnutrennikh del Publ. (In Russian)
4. Dobrotvorskii, I. M. (1861), About the self-immolation of schismatics, *Pravoslavnyi sobesednik*, vol. 1, pp. 423–445. (In Russian)
5. Romanova, E. V. (2012), *The mass self-immolations of Old Believers in Russia in the 17th–19th centuries*, St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ. (In Russian)
6. Kartashov, V. A. (2023), Religious deviations of the Old Believers-Spassovites in Kopeny village of the Saratov province: historical and social context (based on the materials of investigative processes in the first third of the 19th century), *Studia Humanitatis*, no. 3. Available at <https://st-hum.ru/en/node/1246> (accessed: 06.11. 2023). (In Russian)
7. Ageeva, E. A., Robson, R. R. and Smilianskaia, E. B. (1997), Old Believers-Spasovites: ways of popular theology and forms of self-preservation of traditional societies in Russia in the 20th century, *Revue des Études Slaves*, vol. 69, no. 1–2, pp. 101–117. <https://doi.org/10.3406/slave.1997.6390> (In Russian)
8. Zen'kovskii, S. A. (2006), *Russian Old Believers*, in 2 vols, comp. by Prokhorov, G. M., Moscow: Institut DI-DIK Publ. (In Russian)
9. Mal'tsev, A. I. (2006), *Old Believers Priestless Covenants in the 18th — early 19th centuries*, Novosibirsk: Sova Publ. (In Russian)

10. Bushnell, J. (2020), *Russian Peasant Women Who Refused to Marry: Spasovite Old Believers in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*, transl. by Putsello-Bushell, L., Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
11. Smirnov, P. S. (1903), *In escaping the Antichrist. General characteristics of modern priestlessness*, St. Petersburg: Tipografia M. Merkusheva Publ. (In Russian)
12. Pliukhanova, M. B. (1985), About some features of folk eschatology in Russia in the 17th – 18th centuries, *Uchenye zapiski Tartusskogo universiteta*, vol. 645, pp. 54–70. (In Russian)
13. Dimitrii Rostovskii (1764), *The book of the lives of the saints: March-May*, Kiev: Tipografia Kievo-Pecherskoi lavry Publ. (In Russian)
14. *The Great Menaion Reader. April, days 22–30* (1915), Moscow: Sinodal'naia tipografia Publ. (In Russian)

Received: March 6, 2024

Accepted: July 2, 2024

Author's information:

Tatiana I. Khizhaya — PhD in Philosophy, Associate Professor;
<https://orcid.org/0000-0003-1846-5060>, bobcat64@mail.ru